

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА КАК СПУТНИК ЖИЗНИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИ РАЗДЕЛЕННОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Существует несколько упрощенное понимание явления, именуемого холодной войной. Полагают, что она была порождена противостоянием СССР и США, а также олицетворяемыми ими общественными системами, и прекратилась с распадом СССР и восстановлением здесь капиталистических общественных отношений. Автор статьи считает подобное понимание ошибочным и обосновывает мысль о том, что «холодная» война, как и «горячая», является постоянным спутником жизни человечества с момента образования государств. По его мнению, войны прекратятся только после того, как мир перестанет делиться на отдельные государства со своими границами и особыми интересами и будет сформировано универсальное сообщество равноправных людей и народов.

Ключевые слова: страны, народы, общества, государства, международные отношения, интересы, «горячая» и «холодная» войны, международное право.

Исследователи международного права исходили из того, что международная обстановка всегда сводится к двум состояниям: война и/или мир (Сісего, 1926, 8: 1, 4; Grotius, III: XXI). И действительно, почти вся известная история человечества сводится к историям войн и ведших их правителей. О них написано больше, чем о любой другой проблеме жизни человека. Войны в многочисленных формах (видимых и невидимых) происходили и происходят как между отдельными государствами, так и между их группами и союзами. Только после того, как международная политика под влиянием двух мировых войн перестала быть евроцентрической и идеология конфликта, в центре которого находились две мировые системы, была названа американским журналистом Вальтером Липпманом «холодной войной», ее стали рассматривать как всемирное явление (Cassels, 1996, p. 207). С этим связано и понимание, будто холодная война началась с Фултонской речи У. Черчилля в марте 1946 г. и прекратилась с распадом СССР в 1991 г. В 2010-х гг. публицисты стали говорить о «второй холодной войне», начатой США и их союзниками с целью полного развала России как правопреемницы СССР.

Безоговорочное согласие с этими утверждениями будет означать, что холодная война — это феномен жизни только XX в., порожденный отношениями соперничества лишь между СССР (Россией) и остальными странами мира и противостоянием буржуазной и коммунистической идеологий. При такой упрощенной трактовке одного из почти перманентных явлений в жизни человечества вряд ли можно ожидать верного понимания природы международных отношений в прошлом и настоящем, а также условий их совершенствования.

Узкое понимание холодной войны как противостояния двух социально-политических систем XX в. привело к тому, что таковая между отдельными государствами и союзами государств в Древности, Средние века и Новое время вплоть до 1940-х гг., как и особенности ее ведения в каждую эпоху, остались без должного внимания исследователей. Лишь в некоторых исследованиях, преимущественно английской школы международных отношений, предпринимались попытки рассмотреть холодную войну по периодам, правда, опять-таки только в XX в. (O'Sullivan, 2001; Taylor, 1990).

Война в разных ее проявлениях перманентна в жизни человечества, имеет «богатую» историю и характерные для нее этапы, неразрывно связанные с общей периодизацией истории человечества. Безусловно, правы философы политики и исследователи международных отношений, считающие войну обычным поведением политических режимов и инструментом государств. Так, Брэдли Клейн (Bradley Klein), говоря о генеалогии государства, пишет о насилии как о факторе, «делающем и переделывающем современный мир» (Klein, 1994, p. 139). Стратегическое насилие, по его мнению, является «образующим государств; оно не только охраняет границы государств, но и делает само государство» (Ibid. P. 3). О неразрывных и парадоксальных отношениях между насилием и политическим порядком в государствах пишет также профессор международной политики Уэльса Дженни Эдкинс, которая ставит нацистов, концентрационные лагеря, лагеря беженцев и НАТО в один ряд. Все они, пишет исследовательница, являются «плодами» действий суверенной власти, которая стремится расширить свой контроль над человеческой жизнью (Edkins, 2000, p. 13). Войны — следствие действий прежде всего обществ и государств, которые ведут их либо в отдельности, либо объединившись во временные союзы и коалиции. Пока существуют государства, государственные границы и интересы государств, будут неизбежны конфликты и войны между ними.

Отношения между людьми, народами и странами складываются по-разному: взаимное доверие и плодотворное сотрудничество между сообществами людей, охлаждение отношений, ревность и подозрительность, недоверие и вражда, откровенная война, а также переход от одного состояния к другому. При этом состояние войны остается доминирующим, почти что естественным¹, в то время как состояние истинного мира — идеал, к которому люди только приближались в какой-то степени, хотя в действительности все должно быть наоборот. Смысл жизни человека — это создание и поддержание условий, необходимых для жизни: добывание средств существования, поддержание жизни и воспроизводство рода. Война же — это движение части человечества в противоположном направлении, отбрасывание его назад. Она, по сути своей, является угрозой для жизни, убивает миллионы молодых и здоровых людей, уничтожает результаты созидательной деятельности поколений людей, приводит к развалу

¹ Не случайно, почти у всех народов «вечные мир и покой» связываются с жизнью только после смерти. Британский исследователь проблем вечного мира Эрик Исли воспроизводит вывеску на гостинице одного датчанина, который, желая показать степень тишины и покоя в своем заведении, не без юмора сопроводил его название снимком кладбища (Easley 2004, p. 1).

экономики, резко ухудшает благосостояние оставшихся в живых и разжигает ненависть между вовлеченными в нее народами.

Жизнь континентов и человечества в целом в условиях мира и войны образно можно сравнивать с гигантским вулканом, годами внешне спокойным, но бурлящим в глубине и взрывающимся внезапно, или, океаном, с бурными глубинными течениями и борьбой многочисленных обитателей за выживание. Если физическая карта мира — это следы тысячелетних природных процессов (землетрясений, вулканических извержений, смещений пластов и континентов, формирования и высыхания рек, озер и морей), то политическая карта мира — фиксация итогов тысячелетних войн за расширение среды обитания, завоевание новых земель, покорение соседних и дальних народов, передел мира и т. д.

Столкновение интересов кипящих страстями океанов людей и их групп, добра и зла, моральных воззрений, амбиций, социальных и политических позиций и обусловленного ими поведения имеет не менее бурный и противоречивый характер. Говорить о мире в этом сообществе можно лишь условно. Он всегда будет относительным, пока интересы и амбиции одних людей будут противоречить таковым других людей, а общества и мир в целом не перестанут быть разделенными границами (социальными, национальными и политическими) и в нем не восторжествуют отношения взаимовыгодного сотрудничества равноправных людей и народов. Отношения даже двух ранее дравшихся между собой людей, под влиянием ряда обстоятельств (усталости, по требованию окружающих и др.) прекративших силовую драку, изменяются лишь внешне. На некоторое время и после драки они продолжают питать вражду и ненависть и наносить всевозможный вред друг другу иными, не силовыми способами. Что говорить о государствах, обладающих огромными вооруженными силами и преторианскими гвардиями?

Войны — это экстремальная форма соперничества индивидов, групп, обществ и государств, а также их институтов (экономических, социальных, духовных) с применением всех возможных форм, средств и методов борьбы и мобилизации не только армий, но и общественного мнения для достижения своих целей, ослабления и даже полного устранения противника (противников) с поля соперничества причинением ему максимально возможного вреда. Сильные игроки, как правило, отдают предпочтение «игре мускулов», угрозам силой и прямому применению силы для принуждения остальных к повиновению, средние — маневрируют и стремятся оставаться в стороне или примыкают к какой-либо из соперничающих сторон. Слабые и неравные по силе с первыми игроки также стремятся держаться подальше от конфликтов или вынуждены покоряться до поры до времени сильным, не отказываясь в то же время от нанесения «повелителям» точечных уколов доступными им способами и средствами.

В начале истории человечества война (борьба) шла между индивидами и группами людей («война всех против всех»), постепенно охватывая роды, племена и народы. Неслучайно Г. Гроций выводил латинское слово война (*bellum*) из более раннего слова *duellum*. Право вызывать на дуэль или объявлять войну и вести ее считалось одним из определяющих моментов самостоятельности человека и государства, выражением их чести и достоинства.

Вооруженные «драки» народов, как и многие другие явления природы (зем-

летрясения, наводнения, эпидемии и т. д.), воспринимались их участниками как деяния богов, среди которых боги войны считались одними из главных и почитаемых. В Египте это были Сет и Сетхет, в Вавилоне — Мардук, в Греции — Афина Паллада, в Риме — Марс, у славян — Перун. Народы неизвестной Европе до конца XV в. стороны планеты также поклонялись своим, не менее почитаемым богам войны, величественные храмы в честь которых сохранились до наших дней.

Принято считать, что христианство и ислам являются религиями мира и отвергают войны и насилие. «...Все, взявшие меч, мечом погибнут» (Матфея, 26: 52), якобы говорил Иисус Христос. И в самом деле, христианство, рассматривавшее всех своих приверженцев как братьев и сестер, в случае его утверждения на земле не должно было оставлять места войнам и конфликтам. Поэтому в христианских проповедях первых трех столетий после его возникновения воспевался мир, а война осуждалась как деяние демонов. Иисусу приписывают слова: «Как прекрасны ноги благовествующих мир, благовествующих благое!» (Римлянам, 10: 15). Однако в последующем взгляды Иисуса были подогнаны под удобные политическим властям стандарты поведения. Иисуса стали представлять как человека действий, в том числе и насильственных. Ссылались на Апокалипсис, согласно которому Царство Божие на земле должно быть устроено насильственной катастрофой и свержением существующего строя, и на Евангелие, где основатель христианства говорил не только о покорности и непротивлении злу насилием, но и о готовности использовать силу. «...Кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч» (Луки, 22:36). «Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся». И далее: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч...» (Матфея, 10: 34). В Евангелии от Луки эта идея повторена несколько иначе: «Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение; ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться, трое против двух, и двое против трех: отец будет против сына, и сын против отца; мать против дочери, и дочь против матери; свекровь против невестки своей, и невестка против свекрови своей» (Луки, 12:51).

В результате подобных метаморфоз, писал гуманист Эразм Роттердамский, христиане стали сражаться еще более ожесточенно, чем древние евреи, чем язычники, чем дикие звери! «Священники, божьи слуги среди христиан, и монахи, претендующие на еще большую святость, чем священники, — все они разжигают в государствах и простом народе страсть к убийствам и войнам. Трубу архангела они превращают в трубу Марса — бога войны. Забыв о своем достоинстве, они бегают и рыщут повсюду, толкая всех, кого могут, к войне» (Desiderius Erasmus, 2011, p. 11; Трактаты..., 1963, с. 51). С этим перекликалась и песня противников войны в США в период Первой мировой войны, в которой, в ответ на церковный гимн «Вперед, Христово воинство!», призывавший идти на войну, содержались слова «Вперед, Христово воинство! Долг ваш очень прост: резать братьев по вере — или ползти на погост!» (Painter, 1987, p. 336).

Коран запрещает убийство невинного, но проповедует неприязнь к врагу и рассматривает постоянную борьбу (джихад) как естественное поведение мусульманина. Согласно Корану, Бог повелел Пророку бороться с неверными

и лицемерами и быть жестоким к ним (Коран, 66:9). Согласно суннам, на вопрос о том, какое деяние является самым богоугодным, основатель ислама якобы ответил: «Участвовать в джихаде за дело Аллаха» (Buckary, V. 4, 52: 41). Ему же приписывают слова о том, что он «хотел бы принять мученическую смерть за дело Аллаха и затем воскреснуть, затем вновь получить мученическую смерть и воскреснуть, и опять получить мученическую смерть и воскреснуть, и снова получить мученическую смерть» (Ibid. 54). Неудивительно поэтому, что почти все войны с момента превращения христианства и ислама в государственные религии до середины XVII в. благословлялись ими и происходили под религиозными лозунгами. И после отделения церкви от государства они вновь соединялись во время войн.

«Горячим» войнам всегда предшествовала соответствующая подготовка в разных формах и проявлениях. По подсчетам исследовательского центра по урегулированию конфликтов Мичиганского университета, только в период с 1816 по 1992 г. в мире произошло 209 международных войн. Они шли каждый год, за исключением 1908 г. Христианские государства Европы являлись наиболее воинственными. Великобритания участвовала в 52 войнах, Франция — в 44, Турция — в 27, Россия/Советский союз — в 25, Китай — в 17 и Италия — в 15 войнах. Из них государства выиграли 65% войн, которые они начинали и проиграли 28% (Small, Singer, 1982, p. 176–179). По нашим подсчетам, с момента своего образования США участвовали более чем в 40 войнах, не считая вмешательства в дела других стран с целью насаждения или удержания там реакционных диктаторских режимов и угроз войной.

В период с 1945 по 1999 г., считающийся относительно спокойным, в мире произошли 25 межгосударственных войн с участием 25 стран и около 3,33 млн погибших в них, а также 127 гражданских войн в 73 странах. Они продолжались в среднем по шесть лет и унесли жизни 16,2 млн человек, т. е. более чем в пять раз больше, чем в межгосударственных войнах. Постоянно примерно в одной из каждой шести стран мира после окончания Второй мировой войны происходила гражданская война. Интересно, что в 1990–2000-е годы, считающиеся периодом без холодной войны, произошло больше гражданских войн, чем в любое послевоенное двадцатилетие. Аналитики считают это «результатом совокупных жалоб, которые накопились в годы, когда Соединенные Штаты и Советский Союз доминировали в своих мирах и сдерживали конфликты в них». По их мнению, с окончанием холодной войны сверхдержавы убрали свои руки от контроля процессов в других странах и обратились к своим внутренним проблемам. Эти гражданские войны продолжались дольше примерно с двух лет в 1947 г. до 15 лет в среднем в 1999 г. (The Geography..., 2005, p. 246). Можно ли на самом деле считать это состоянием мира и завершения холодной войны?

Инициатором и главным двигателем большинства этих войн являлись США. Они вторгались в другие страны (в Панаму в 1989 г., Ирак в 1991 г., Югославию в 1999 г., Афганистан в 2001 г., Ирак в 2003 г., Ливию в 2011 г.), а также оказывали военную поддержку правительствам, которые сражались с повстанцами (Гаити, Пакистана, Колумбии, Израиля, Турции, Филиппин, Македонии, Индонезии, Саудовской Аравии и т. д.) (Ibid. P. 85). Как свидетельствуют исследователи

международной политики, США без стеснения используют особые полномочия, предоставленные им международным сообществом как постоянному члену Совета Безопасности ООН, чтобы изменить мировую систему по собственному вкусу. «Со времени войны во Вьетнаме... Соединенные Штаты Америки развернули боевые силы или использовали смертоносную силу в Камбодже, Иране, Гренаде, Панаме, Ливане, Ливии, Саудовской Аравии, Кувейте, Ираке, Турции, Сомали, Гаити, Боснии, Судане, Афганистане, Южно-Китайском море, Либерии, Македонии, Албании и Югославии. Это рекорд, к которому ни одна другая страна не может приблизиться», — свидетельствует американский профессор международной политики Уолтер Р. Мид (Mead, 2005, p. 5). Документальный фильм известного американского режиссера Оливера Стоуна «Нерассказанная история США» подлинная антология поведения США в мире в XX — начале XXI в. С начала XXI века США постоянно находились в состоянии войны с той или иной страной, а Великобритания и другие страны НАТО во многих случаях являлись партнерами США в их агрессивных и карательных акциях.

Эти страны-агрессоры убежденно считают себя демократическими. Если это так, то оказываются не соответствующими действительности предположения о том, что истинно демократические страны переносят отношения демократии на весь мир, а тирании — распространяют тираническую власть и на соседние страны и подчиняют их себе. Не подтверждается также тезис о «демократическом мире». «Государства с демократическими режимами не были менее агрессивными в названный период; они участвовали в достаточном количестве войн и не всегда как беззащитные жертвы диктаторских режимов», пишут М. Смолл и Д. Зингер (Small, Singer, 1982, p. 179).

Причин войн и конфликтов бесконечное множество. Некоторые из них заложены в природе самого человека и соответственно в обусловленных ею взаимоотношениях людей. Пользование благами природы, расположенными на планете неравномерно, желание иметь лучшее и больше, соперничество при этом, честолюбивые амбиции — естественные проявления жизни. Не случайно, что экономические факторы, стремление к завоеванию новых земель, овладению ресурсами в ареалах проживания других народов, рынками сбыта, желание жить в роскоши были и остаются главными побудительными мотивами к войнам. Другая причина — природа самих обществ и государств — степень их демократичности и справедливости существующих в них общественных отношений. Истинно демократическое общество и в самом деле уважительно относится к своим соседям, желает им благополучия во всем. В качестве третьей причины многие исследователи проблем войн и мира называют безвластие (анархию) на международном уровне, на котором государства функционируют как самостоятельные игроки. По мнению Кеннета Уолтца, анархичность обуславливает рамки мировой политики, но без выяснения первой и второй причин нельзя назвать и те силы, которые определяют политику; в то же время, первые две причины описывают силы в мировой политике, но без третьей невозможно оценивать их значимость и прогнозировать их результаты (Waltz, 1959, p. 256). Как известно, на три цели войн указывал и Т. Гоббс. Ими он считал достижение и обеспечение безопасности государства; обеспечение экономических требований его

политически значимых слоев населения и повышение престижа государства.

Утверждение об анархичности международного порядка требует критического к себе отношения. Оно основывается только на факте отсутствия какой-либо надгосударственной *политической власти глобального уровня*. Но важно помнить, что власть — это институт любого сообщества и имеет более широкое содержание. Она существует не только в политической сфере жизни, но и в экономической, социальной и духовной. В каждой сфере жизни сообщества и отношений между его членами властные отношения проявляются в разных ипостасях (Мутагиров, 2014, с. 20). В демократических обществах все институты, в том числе и политические (государства), формируются и функционируют в соответствии с не всегда осознаваемыми людьми законами природы, объективно выступающими как основа и регуляторы правовых норм поведения людей. Некоторые из них могут побудить и побуждают людей к совершению тех или иных поступков не только по принуждению, но и по собственной инициативе, добровольно, без всякого принуждения, как должного и необходимого. Стало быть, власть в широком смысле — это способность не только и не столько к принуждению, сколько к побуждению. Перманентная для людей власть природы и общечеловеческой морали, определяющая поведение разумных людей, всегда будет сильнее политической власти человека и его сообществ, а потому предположение о безвластии в мире является не совсем точным. Каждый человек является представителем не только своего народа, но и человечества в целом. Он обязан думать о мире и благополучии не только своей страны, но и всего мира, ибо они неразрывно связаны друг с другом и обуславливают друг друга. Этому должны соответствовать как поведение государств, являющихся институтами сообществ людей, так и регулирующее это поведение международное право.

Принято говорить о «войне всех против всех», о «войне за умы людей», «войне идей», «войне слов», «войне компроматов», о войнах видимых и невидимых и т.д. Нередко в качестве синонима слова «война» употребляется «борьба», которая имманентна всему живому на свете, не самым спокойным представителем которого человек является. На протяжении тысячелетий борьба считается проявлением его мужества и якобы имеет для него и для всего общества оздоравливающее значение. Так, Ф. Ницше сравнивал войны с кровопусканием, способным излечить любое общество.

Философы называют войны вооруженными драками между государствами и народами, а еще вернее — между их правителями, которые превращают своих миролюбивых поданных и граждан в главных жертв. По мнению Л. Оппенгейма, «война — это раздор между двумя или более государствами через их вооруженные силы с целью одоления друг друга и навязывания таких условий мира, каких победитель пожелает» (Oppenheim, 1952, II, p. 202). Коллега Оппенгейма Й. Динстайн предлагает понимать войну как «враждебное взаимодействие двух или более государств в техническом и в материальном смысле. Война в техническом смысле — это официальный статус, устанавливающийся в результате объявления войны. Война в материальном смысле происходит в результате фактического использования вооруженной силы, которая должна быть всеобъ-

емлющей со стороны, по крайней мере, одной из сторон в конфликте» (Dinstein, 2001, p. 5–6). Другие исследователи международных отношений считают необходимым расширить понимание войн (Eagleton, 1933, p. 237, 281). По их мнению, сведение войн к раздорам только «между государствами» не совсем корректно, поскольку они происходят и внутри государств (между разными группами и слоями населения — гражданские войны).

Целями любой войны являются получение желаемых выгод и усиление позиций государства-инициатора или группы воюющих государств путем ослабления таковых соперников. «Горячая» война ведется во имя достижения этих целей во всех сферах общественной жизни с применением смертоносного оружия и вторжением в другие страны, разрушением их городов и сел, уничтожением живой силы и материальной базы. Она сопровождается и другими формами войны: экономической, социальной, идеологической, психологической, информационной, национальной, расовой, религиозной и т.д. Многообразие областей, средств и методов ведения войн, а также форм насилия обуславливает многообразие и форм их проявлений.

«Холодная» война происходит скрытно, с продолжающимися рукопожатиями руководителей государств, улыбками на их лицах и камнями за пазухой. Она преследует примерно те же цели, что и «горячая», но в несколько суженном объеме. Холодная война является либо подготовкой к силовой борьбе между равновеликими государствами, либо преследует цель не допустить восстановления силы и влияния поверженного соперника в мире, а если удастся, то и окончательно устранить его с карты региона, континента или мира в целом как влиятельного игрока. Отсюда и методы, средства и каналы этой войны: обвинения в нарушениях норм международного права и наложение различных санкций за это, диффамации, клевета на общественный и государственный строй, провокации и диверсии, фальсификации с целью дискредитации соперника (соперников) в глазах остального мира, его максимальной изоляции и ослабления. Все это сопровождается усиливающейся милитаризацией обществ, всесторонней подготовкой к переходу к силовым методам борьбы с применением оружия, в том числе и против третьих, симпатизирующих предполагаемому противнику стран и народов, разжиганием социальных, национальных, религиозных и иных конфликтов в стане противника.

«Горячие» войны имеют начало и конец; они должны вестись в соответствии с общими для международного сообщества обычаями и нормами. «Холодная» (невидимая) война не имеет никаких регуляторов и правил, она ведется всеми доступными средствами и методами, не имеет ни начала, ни конца, пока человечество не превратится в бесконфликтно развивающееся сообщество равноправных народов. Она может лишь ослабевать временами, смягчиться и изменить «фронты» сражений, главных претендентов на гегемонию в том или ином регионе, на континенте или в мире в целом, а также стран, не желающих признавать ничьей гегемонии над собой.

Холодная война — перманентный спутник человечества на этапе деления его на соперничающие между собою общества и государства. Некорректные суждения о начале и конце холодной войны, а вместе с этим и о «конце истории»,

основаны только на противопоставлении двух идеологий (буржуазной и коммунистической) и на предполагаемом «конце коммунистической идеологии» после реставрации капиталистических общественных отношений в некоторых странах, начавших переход к социализму.

Если принять суждения Ф. Фукуямы и его последователей о «конце истории» всерьез, то получится, будто история началась только после возникновения СССР и кончилась с его распадом. Фукуяма здесь неоригинален. Как известно, христиане также полагают, что наступление Царствия Божиего будет означать конец старого мира и начало нового. Марксисты, заимствовавшие многие прогрессивные постулаты Библии, связывают наступление нового мира со сменой капитализма социализмом, считая это концом предыстории и началом подлинной истории человечества. Фукуяма просто заимствовал и перефразировал их, не утруждая себя ссылками на предшественников.

Да, действительно, после распада СССР круг стран, продолжающих идти по пути социализма, значительно сузился. Но коммунистическая идеология продолжает функционировать и соперничать с буржуазной идеологией почти во всех обществах мира. Полагать, что они примирились друг с другом, было бы явным заблуждением. Изменились, надо полагать временно, лишь масштабы их влияния на людей, а стало быть, и острота противостояния. Да и то здесь речь может идти только об одном типе или срезе идеологий — политическом. Существуют ведь и другие идеологии — мировых религий, идеологии национализма, шовинизма, расизма и т. д. Что, они тоже слились в нечто единое и перестали соперничать друг с другом? На основании чего тогда С. Хантингтон делал свои нашумевшие выводы о конфликте цивилизаций, и в современном мире говорят об исламском, христианском и ином фундаментализме, о столкновении культур?

Холодная война идет во всех сферах общественной жизни, идеологическая из которых далеко не самая главная. Определяющими здесь являются социальная и экономическая сферы, поддерживаемые и усиливаемые политической и духовной сферами общественной жизни. Не следует игнорировать также и формы ведения этой войны/борьбы: психологическую, информационную, разведывательную....

Как показывает история, перманентный характер носит и соперничество однотипных государств за гегемонию как в своих системах, так и в мире в целом. Такое соперничество, сопровождаемое психологическими, информационными и иными войнами, почти постоянно шло между европейскими державами — Испанией и Англией, Францией и Англией, Германией и Францией и исход во многих случаях определялся присоединением России к одной из сторон этой борьбы между государствами Европы и США, между Россией и странами Запада и т. д. Если первые четыре столетия новой эры в каком-то смысле можно было считать «*Pax Romana*», XVIII–XIX вв. — «*Pax Britannica*», первую половину XX в. — относительно многополярным, то период после Второй мировой войны — двухполюсным, с претензией США на «*Pax Americana*».

Новая эпоха холодной войны, когда соперничество между отдельными странами несколько отошло на задний план, уступив место борьбе между общественными системами, началась после Октябрьской революции в России.

Первый вооруженный поход 14 ведущих капиталистических стран в 1918–1921 гг. с целью «задушить новый строй в колыбели» потерпел неудачу, после чего войны с СССР продолжали вести преимущественно экономическими, политическими, идеологическими, диверсионными и иными средствами и методами. Она несколько смягчилась в период совместной борьбы с общим врагом в лице фашизма, в победе над которым СССР сыграл решающую роль. Благодаря этому авторитет СССР, а соответственно и авторитет социализма в мире значительно возрос. В странах, освобожденных Советской армией, установился строй народной демократии, во многих странах Западной Европы, включая Францию и Италию, представители коммунистических партий, сыгравших наиболее активную роль в движении сопротивления фашизму, были включены в национальные правительства, благодаря которым конституции этих стран были пересмотрены в сторону расширения прав и свобод граждан. Власть народа установилась и в самой населенной стране мира — Китае. Борьба за национальную независимость, поддерживаемая СССР, активизировалась в странах Юго-Восточной Азии (Индонезии, Бирме, на Филиппинах, в Индокитае) и Африки.

Это не могло не встревожить идеологов старого мира. «Мы имеем политическую силу, фанатично убежденную о том, что с США не может быть постоянного *modus vivendi*, — писал из посольства США в Москве обеспокоенный новой ситуацией в мире Д. Кеннан в телеграмме в Госдепартамент 22 февраля 1946 г. — поэтому внутренняя гармония нашего общества будет нарушена, наш традиционный образ жизни уничтожен, и международный авторитет нашего государства подорван, если советскую власть оставлять в безопасности» (Kennan's, 1978, p. 50–63). Тревогу Кеннана поддержал У. Черчилль в Фултоне 5 марта того же года. Была разработана «стратегия сдерживания» наступления коммунизма и составлена развернутая программа действий по дегероизации СССР. Предусмотренные в них цели должны были быть достигнуты путем фальсификаций, провокаций и диверсий против СССР и нагнетания ненависти к нему, дискредитации коммунистической идеологии, советской власти и социализма как общественного строя, путем придания всей этой борьбе преимущественно идеологического характера под лозунгами борьбы с тоталитаризмом и защиты демократии. Это стало началом нового крестового похода против коммунизма и нового этапа холодной войны в мире. Он сопровождался маккартизмом и охотой на ведьм в США и свирепым антикоммунизмом в Европе. Благодаря им политика «сдерживания коммунизма» получила поддержку со стороны значительной части населения западных стран. Как показали три опроса населения с вопросом «насколько важными вы считаете для Соединенных Штатов попытки остановить распространение коммунизма в мире?», проведенные в США в период с января 1950 г. по июнь 1951 г., «параноидальные опасения властей коммунистической идеологией» сочли «очень важными» около 80% ответивших, «довольно важными» — 90%, и «не важными» — менее 5% участников опросов (Wittkopf, 1990, p. 169).

Важной особенностью холодной войны этого этапа было то, что она велась с постоянной оглядкой на термоядерное оружие, которое одновременно и сдерживало «воюющие» стороны от его применения страхом всеобщего уничтожения. Ее волны, как и волны моря, то поднимались (обострение), то

опускались (смягчение, разрядка), но никогда не прекращались. «Соблазняемые маккартизмом и догматизмом Джона Фостера Даллеса, мы рассматривали коммунизм как опасность всемирного заговора в масштабах, далеких от реальности, — писал профессор Гарвардского университета Джордж Лодж. — Мы знаем, что коммунизм как идеология — общественная жизнь без частной собственности — не является угрозой. Мы можем восхищаться некоторыми ее характеристиками, как она практиковалась в израильских кибуцах или даже в Китае, хотя мы жестоко осуждаем ее в России. *Советский Союз опасен с его ракетами в шахтах и на подводных лодках, а не по идеологическим соображениям*» (Курсив наш. — Д. М.) (Lodge, 1986, p. 157–158).

Политике сдерживания коммунизма способствовали и ошибки руководства СССР, обусловленные не совсем верным пониманием им реального положения в мире. Оно исходило из того, что мир разделился на два лагеря: империалистический как источник новых войн и реакции и антиимпериалистический как оплот прогресса, демократии и борец с реакцией. Но умалчивали о том, что и эти два «лагеря» не были свободны от внутренних конфликтов и войн. Соперничество за лидерство между избравшими социалистический путь развития СССР и КНР при Н. Хрущеве и Мао Цзэдуна, сопровождавшееся ожесточенными нападениями друг на друга, войной слов и обвинениями в ревизионизме одних и в левом авантюризме других, переросло в открытую войну на о. Даманский. Это показало, что не только холодная, но и горячие войны могут происходить между государствами одной и той же социально-политической системы. Они всегда способствуют ослаблению сотрудничества между странами соответствующих систем, чем умело пользуются их противники в мире. Конфликты между Сталиным и Тито, Хрущевым и Мао Цзэдуном стали причинами ослабления у значительной части населения доверия к политике и практике коммунистических партий. В конечном итоге это привело к организации частью руководства этих партий своего рода «новых термидорианских переворотов» в своих странах в 1989–1991 гг. и распаду социалистической системы государств.

Советского Союза уже нет, но его ракеты остались в шахтах и на подводных лодках России, продолжающей быть «Хартлендом» мира с огромными природными ресурсами, а потому продолжается и будет продолжаться война против нее во всех ее формах.

Прекращение существования СССР не привело к смягчению международной напряженности, сокращению вооруженных сил и военных расходов. Напротив, начинается очередной, качественно новый этап горячих и холодных войн, количество участников которых резко возросло. Образованный для противостояния СССР и сдерживания коммунизма военный блок НАТО не только не был ликвидирован, но и расширился, включив в свой состав и все страны прекратившего свою деятельность Варшавского договора, за исключением России, и даже три республики бывшего СССР, а военные расходы почти всех государств — членов НАТО заметно возросли. Войны продолжают вести с ориентирами на прежнее соперничество, хотя соперников престали называть по именам. В качестве главного противника государств — членов НАТО по-прежнему рассматривается «евразийский Хартленд» в лице России, хотя на словах им был объявлен «международный

терроризм», своим возникновением и усилением обязанный прежде всего США.

Терроризм конца XX в. и начала XXI в. в известном смысле также является плодом противостояния государств разных социально-политических систем и важным инструментом холодной войны. Его можно назвать также точечной войной, в воздухе — путем угонов и взрывов самолетов, на земле — путем взрывов домов, транспортных средств и в местах массового скопления населения, а также убийств отдельных лиц.

Одним из первых угонов воздушного судна в 1980-х гг. стал угон советского пассажирского самолета, захваченного бандитами из Литвы и угнанного в Турцию. Власти Турции отказались выдать СССР этих преступников и убийц, а США предоставили им политическое убежище, как и в случае с организаторами взрыва кубинского авиалайнера в 1976 г., в результате которого погибли 73 человека. Затем последовала серия угонов самолетов даже с взрывами и гибелью всех пассажиров, апогеем чего стали террористические акты уже против самих США 11 сентября 2001 г.

Для борьбы с Советским Союзом в Афганистане ЦРУ США создали международные террористические организации Аль-Каида (Al-Qaeda) и талибан. Их члены проходили военную подготовку в Пакистане в лагерях, руководимых американскими инструкторами. После вывода советских войск из Афганистана эти организации отказались от роли марионеток в руках выпестовавших их спецслужб, и началось их противостояние с применением террористических методов борьбы с обеих сторон, после чего США и послушные им государства включили Аль-Каиду и талибан в список террористических организаций. Известно также, что президент Ирака Саддам Хусейн начал войну с Ираном в 1980 г. не без поддержки США, которой продолжал пользоваться вплоть до ее окончания в 1988 г. Танкеры с иракской нефтью в Персидском заливе находились под постоянной охраной вооруженных сил США. Но в соответствии с поговоркой «мавр сделал свое дело, мавр может уйти» вчерашние покровители «помогли» и уходу Саддама, породив при этом новое зло в лице ИГИЛ.

Когда вооруженные силы США и Великобритании под надуманными предлогами вторглись в Ирак в 2003 г. и достаточно многочисленная и хорошо вооруженная иракская армия, не оказав сколько-нибудь серьезного сопротивления, как бы растворилась в пустыне, агрессоры не особенно задумывались над тем, куда она делась. Примерно то же самое повторилось в Ливии и Сирии, где США и их союзники по НАТО направили свои удары по сотрудничавшим с Россией государствам и поддержали здесь экстремистские силы, боровшиеся с конституционными властями. И, как закономерное следствие, внезапно, как мираж, появились хорошо организованные и вооруженные, пользующиеся поддержкой значительной части населения региона силы, которые претендовали уже на возрождение халифата под названием Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ). Когда туман рассеялся, выяснилось, что это были настроенные против западного образа жизни граждане Ирака, Ливии, Сирии и других стран, объединившиеся для борьбы за свое собственное общество, со своей системой ценностей. Значительная их часть также была вооружена США и Великобританией, которым теперь приходится пожинать плоды своей недальновидной

политики. Парадоксальность ситуации здесь в том, что «родители терроризма» продолжают и после этого придерживаться никак не согласующейся с разумом логики действий: на словах осуждая и борясь с ИГИЛ, оказывают всяческую поддержку близким им силам в Сирии только потому что те воюют с продолжающим сотрудничать с Россией правительством. Такова логика холодной войны.

Войны в Ираке, Ливии, Сирии, санкции в отношении Ирана, а теперь и России, многие межгосударственные и внутригосударственные войны после Второй мировой войны — это горячие искры холодной войны, в которой ведущие державы мира стремились и стремятся всячески ослабить позиции предполагаемых соперников в соответствующих регионах. При этом ими активно использовались даже те осуждаемые во всем мире методы и средства, с которыми они сами достаточно активно боролись в других случаях.

Наглядный пример этому — наркотрафик из Афганистана. Исследователи отмечают здесь две главные фазы: фазы противостояния советским войскам и после. На первом этапе прямая военная помощь моджахедам со стороны США дополнялась доходами от производства опиума и героина и торговли ими. Это было хорошо известно правительству США, но игнорировалось им из-за холодной войны и геополитических соображений. Как признался бывший директор ЦРУ по операциям в Афганистане Чарльз Коган, главная миссия США состояла в том, «чтобы нанести как можно больше вреда Советам» (The Geography, 2005, p. 245). О возможных последствиях такой политики не особенно беспокоились.

Еще хуже обстояло дело в Пакистане, в жизнь которого СССР совершенно не вмешивался. В 1971 г. в Пакистане было произведено 90 тонн опиума, а в течение следующего десятилетия его производство увеличилось в 10 раз. Это резкое расширение, по мнению исследователей данной проблемы, было бы невозможным без помощи пакистанских военных и ЦРУ. Игнорируя быстрое расширение производства опийного мака и героина в этом регионе, правительство США своими действиями способствовало превращению обширных земель Афганистана и Пакистана в пригодные только для культивирования мака. Постоянные войны в регионе привели к разрушению всех создаваемых веками ирригационных систем, после чего здесь мог расти только мак. А полученный из него героин вместе с караванами оружия попадал к афганским моджахедам и распространялся по всему миру. Это в то время, когда те же самые США требовали уничтожения плантаций коки в Колумбии (Ibid. P. 246).

Примеров подобной алогичной политики, приумножающей кризисы, конфликты и вражду в мире, становится все больше. Последними из них являются ситуация в Украине и экстремистские акты во многих странах мира в 2014–2015 гг., порожденные недалевидностью правящих кругов некоторых стран мира.

Таким образом, временно отодвинувшиеся на задний план противоречия между странами капиталистического мира из-за преувеличенного страха перед коммунизмом и связанные с ними конфликты через некоторое время после распада СССР вновь выдвинулись на передний план, и начался очередной этап как «горячих», так и «холодных» войн. Международная ситуация в мире как бы вернулась к таковой начала XX в. примерно с теми же ведущими игроками, но с выдвиганием США на передний план, что, безусловно, способствовало

гиперболизации их роли в мире и геополитических целей. Складывается впечатление, что история прошлого столетия с ее трагическими для человечества последствиями ничему не научила некоторых лидеров современного мира.

Литература

Мутагиров Д. З. Демократия как универсальная ценность. М.: Логос, 2014. 560 с. (*Mutagirov D. Z. Democracy as a universal value. M.: Logos, 2014. 560 p.*)

Трактаты о вечном мире. Предисл. Ф. В. Константинова / сост. сб. И. С. Андреева и А. В. Гulyга. М.: Соцэкгиз, 1963. 392 с. (*Treatises on the Eternal Peace. An Introd. of F.V.Konstantinov. Compilers of the collection I. S. Andreeva, A. V. Gulyga. M.: Socèkgiz, 1963. 392 p.*)

Black J. Great powers and the quest for hegemony. The world order since 1500. 2008. 260 p.

Buckary S. Sunnas. Vol. 4, B. 52. N 41, 54.

Cassels A. Ideology and International Relations. 1996. 318 p.

Cicero. Philippics. With an English Translation by W. C. A. Ker. London; New York: G. P. Putnam's Sons, 1926. 630 p.

Colaresi M. P., Rasler K., Thompson W. R. Strategic Rivalries in World Politics Position, Space and Conflict Escalation. Cambridge University Press, 2007. 330 p.

Desiderius Erasmus. The Complaint of Peace [1521]. Indianapolis, IN, 2011. 42 p.

Dinstein Y. War, Aggression and Self-Defense. 3rd ed. Cambridge University Press, 2001. 330 p.

Eagleton C. An Attempt to Define War (1933). Int. Cone. 630 p.

Easley E. S. The War Over Perpetual Peace. An Exploration into the History of a Foundational International Relations Text. Palgrave MacMillan, 2004. 240 p.

Edkins J. Whose Hunger: Concepts of Famine, Practices of Aid. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2000. 236 p.

Fearon J., Laitin D. Ethnicity Insurgency and Civil War // *American Political Science Review*. 2002. Vol. 97. P. 75–90.

Grotius H. The Rights of War and Peace, in Three Books. New Jersey: Lawbook Exchange Limited, 2004. 738 p.

Kennan's "long telegram", Containment: Documents on American Foreign Policy, 1945–50 / eds T. H. Etzold, J. L. Gaddis. New York, 1978. P. 50–63.

Klein B. S. Strategic Studies and World Order. The Global Politics of Deterrence. Cambridge University Press, 1994. h. 139. 210 p.

Lodge G. C. The New American Ideology. New York University Press, 1986. 256 p.

Mead W. R. Power, terror, peace, and war. American Grand Strategy in a World at Risk. New York: Alfred A. Knopf, 2005. (A Council on Foreign Relations Book). 240 p.

Oppenheim L. International Law, II, 202: 7th ed. / ed. H. Lauterpacht. 1952. 424 p.

Painter N. I. Standing at Armageddon: The United States, 1877–1919. New York: W.W. Norton, 1987. 336 p.

Russett B. M. Grasping the Democratic Peace: Principles for a Post–Cold War World. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994. 280 p.

O'Sullivan M. L. Shrewd Sanctions: Statecraft and State Sponsors of Terrorism. BROOKINGS INSTITUTION, 2003. 444 p.

O'Sullivan Patrick Michael. The Geography of War in the Post Cold War World. Lewiston, NY: Edwin Mellen, 2001. 216 p.

Small M., Singer J. D. Resort to arms. International and civil wars, 1816–1980: 2nd ed. / With the collaboration of R. Bennett, K. Gluski, S. Jones. Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1982. 376 p.

Taylor P. J. Britain and the Cold War: 1945 as a Geopolitical Transition. London: Pinter, 1990. 156 p.

The Geography of War and Peace: From Death Camps to Diplomats / ed. C. Flint. Oxford University Press, 2005. 472 p.

Waltz K. Man, the State and War. New York: Columbia University Press, 1959. 264 p.

Wittkopf E. R. Faces of Internationalism: Public Opinion and American Foreign Policy. Durham, 1990. 392 p.